

КЛАССИЧЕСКИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080036444-5

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН
ВОСТОКА. ЯПОНСКИЙ ВАРИАНТ
ЧАСТЬ 1. СОЗДАНИЕ В ЯПОНИИ ГОСУДАРСТВА «РИЦУРЁ»
И ПЕРЕХОД К ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ФЕОДАЛИЗМА¹

© 2025

А.Л. РЯБЕНИН ^{a, b}^a – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия^b – Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия^{a, b} – ORCID: 0000-0003-1843-5689; ResearcherID: K-9756-2017;
arjabinin@hse.ru; rjabinin50@rambler.ru

Резюме: История оседлых обществ в странах Востока развивалась под воздействием многих факторов, ключевым из которых я считаю наличие кочевнической варварской периферии. Наиболее близкие к «кочевому поясу» страны должны были иметь такое политическое, социальное и экономическое устройство, которые обеспечивали им возможность в короткий срок собрать мощную армию и снабдить ее необходимым провиантом. Поэтому политические режимы средневековых азиатских государств должны были в той или иной степени носить деспотический характер, жизненно необходимый для отражения могущественных номадов. В связи с этим максимальная степень деспотизации власти в восточно-азиатском регионе была у Китая, минимальная – у Японии и страны Нусантары, ядром которой являлись государства на острове Ява. В данной статье рассматриваются факторы, влиявшие на политическое, социальное и экономическое развитие Японии со второй половины VII в. по первую половину XIII в. н.э. К этим факторам относятся: 1) создание мощного деспотическо-бюрократического государства династии Тан в Китае (которое, в свою очередь, обуславливалось наличием северной варварской кочевнической периферии), определившее возникновение его аналога – японского полу-деспотического государства рицурё (полную деспотизацию не допустила сильная родовая знать, в значительной мере контролировавшая власть на местах); 2) ослабление танского государства, первоначально вызванное восстанием Ань Лушаня, и последующий развал империи Тан, имевший место вслед за восстанием Хуан Чао, что дало возможность трансформировать государство «рицурё» в систему зарождающихся вассально-ленных связей, базировавшихся на коммендированных сёэнах; 3) неагрессивная политика китайских государств периода правления Пяти династий и династии Сун, что позволило японцам сменить императорское правление на сёгунско-императорское, в котором объём власти сёгуна все больше доминировал над властью императора и усиливались процессы феодализации японского общества.

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»).

Хочу высказать свою искреннюю признательность д.и.н. А.Н. Мещерякову за ценные советы, данные мне в процессе написания данной статьи.

Ключевые слова: Китай, Япония, государство «*рицурё*», японский феодализм, оседлые общества, кочевая периферия, деспотическая власть

Для цитирования: Рябинин А.Л. Факторный анализ исторического развития стран Востока. Японский вариант. Часть 1. Создание в Японии государства «*рицурё*» и переход к политической системе феодализма. *Восток (Oriens)*. 2025. № 6. С. 48–60. DOI: 10.31696/S086919080036444-5

FACTORIAL ANALYSIS OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT
OF EASTERN COUNTRIES. THE JAPANESE VARIANT.
PART 1. THE ESTABLISHMENT OF THE “RITSURYO” STATE IN JAPAN
AND THE TRANSITION TO FEUDAL POLITICAL SYSTEM

© 2025

Alexey L. RYABININ ^{a, b}

^a – HSE University, Moscow, Russia,

^b – State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

^{a, b} – ORCID: 0000-0003-1843-5689; ResearcherID: K-9756-2017;

arjabinin@hse.ru, rjabinin50@rambler.ru

Abstract: *The history of sedentary societies in Eastern countries developed under the influence of many factors, the key one being the presence of nomadic barbarian periphery. The countries closest to the “nomadic belt” had to possess political, social and economic structures that enabled them to quickly muster a powerful army and supply it with the necessary provision. The political regimes of medieval Asian states had to be despotic in nature, which was vitally necessary to repel powerful nomads. The maximum degree of despotization of power in the East was seen in China, while the minimum was observed in Japan and the Nusantara region, including the island of Java. This article examines the factors influencing the political, social and economic development of Japan from the second half of the 7th century to the first half of the 13th century: 1) the establishment of a powerful despotic bureaucratic state under the Tang dynasty in China, leading to the emergence of its counterpart – a semi-despotic Japanese state known as “ritsuryo”; 2) the weakening of the Tang state, initially caused by the An Lushan rebellion, and the subsequent collapse of the Tang empire following the Huang Chao uprising, which allowed for the transformation of the “ritsuryo” state into a system of emerging vassal-fiefdom relations based on commended shoen; 3) the non-aggressive policy of Chinese states during the Five Dynasties and the Song dynasty period, which enabled the Japanese to replace purely imperial rule with shogunal-imperial one, wherein the power of shogun increasingly dominated over that of the emperor; leading to intensified feudalization processes in Japanese society.*

Keywords: China, Japan, “ritsuryo” state, Japanese feudalism, sedentary societies, nomadic periphery, despotic power

For citation: Rybinin A.L. Factorial Analysis of the Historical Development of Eastern Countries. The Japanese Variant. Part 1. The Establishment of the “Ritsuryo” State in Japan and the Transition to Feudal Political System. *Восток (Oriens)*. 2025. No. 6. Pp. 48–60. DOI: 10.31696/S086919080036444-5

В течение многих лет, читая курс лекций по «Истории Востока в Древности и Средние века» и много раз повторяя студентам историю большинства стран Востока, я подметил одну немаловажную особенность: чем ближе изучаемые нами страны находились к поясу (зоне) степей, простирающемуся от Маньчжурии и до низовьев Дуная (и далее – до Паннонии), тем жестче у этих стран были политические режимы, близящиеся к деспотиям или являющиеся таковыми, и наоборот, чем дальше и недоступнее были страны Востока для кочевого пояса и складывающихся под их влиянием континентальных деспотий, особенно, если они находились на островах, тем ближе эти страны были к политической модели европейского феодализма, при которой государство, представленное определенным образом сгруппированной властной элитой частных владений было довольно слабым, а общество, имевшее в своем составе свободные города, было относительно сильным.

Какую роль играл этот «кочевой пояс» в историческом развитии стран Востока? Полагаю, что «кочевой пояс» в Средние века представлял собой основной центр силы, который в течение, по крайней мере, двух тысячелетий (с момента образования державы суннов/гуннов, а может быть даже и ранее – со времен скифов) оказывал сильнейшее влияние все те страны, которые находились к югу от этого пояса.

О том, какое значение имели кочевники в мировой истории, пишет крупнейший специалист в сфере российской номадистики Н.Н. Крадин. [Крадин, 2020, с. 51–52]. Почему войско кочевников обладало столь мощной силой? Потому что, как пишет Н.Н. Крадин, «...каждый свободный номад был одновременно и воином» [Крадин, 2020, с. 52].

Что представляли собой «кочевые империи»? По словам того же Н.Н. Крадина, «...создание “кочевых империй” – это частный случай... “завоевательной” теории политогенеза, согласно которой война и завоевания являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации» [Крадин, 2020, с. 48–49].

Каковы были взаимоотношения кочевников и оседлых? Отмечая тот факт, что эти отношения были как «мирными», так и «немирными», Н.Н. Крадин подчеркивает, *как правило, милитаризованный характер кочевых обществ* и ссылается при этом на Геродота [Геродот, 1999, с. 250; Крадин, 2020, с. 50].

Подобные характеристики можно найти в отношении других номадов древности, средневековья и даже нового времени, например, в описании Рашид-ад-Дином идеала удовольствия «кочевого мужа», которое он вкладывает в уста Чингиз-хана [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 265].

Как отмечает тот же Н.Н. Крадин, «...для успешного ведения войн кочевникам была необходима мощная военная организация. Исследователям удалось подметить интересное обстоятельство, что степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. Именно поэтому кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вожества, номады Восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали “квазиимперские” государственноподобные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала “кочевая империя”» [Крадин, 2020, с. 48–49].

Полагаю, что в той же степени, в которой существовала зависимость политической организации номадов от соседней с ними политической организации оседлых, в той же (а скорее всего, в значительно большей) степени была зависимость политической, социальной и экономической организации оседлых обществ от соседствующих с ними и постоянно давящих на них кочевнических политий. При этом закономерность, видимо, такова: чем более мощным и политически организованным являлось кочевое общество, тем более высокой была «деспотизация» власти в соседствующем с ним оседлом обществе.

В связи с этим считаю, что наиболее высокой была степень деспотизации власти в Китае, где государственная власть полностью «подмяла» под себя общество [Непомнин, 2005, с. 309–335], а наиболее низкой – в Японии, малодоступной как для кочевых, так и для оседлых политий, а также в регионе Нусантары (островной территории, ядром которой являлся остров Ява), еще более отдаленной и также трудно достигаемой территории как для кочевых, так и для армий оседлых государств.

Чем это можно доказать? Хотя бы тем, что Япония является единственной азиатской страной, в которой, по общему мнению специалистов-исследователей, в течение достаточно длительного времени существовал феодализм, причем феодализм европейского типа, то есть, имела место очень существенная фрагментация власти.

Хочу сразу же уточнить понимание мною термина «феодализм», под которым я имею в виду то же самое, что видел и один из моих учителей, около 10 лет назад ушедший от нас, востоковед широкого профиля Л.С. Васильев, который рассматривал феодализм как децентрализацию властной системы, распад централизованной власти [Васильев, 1995, с. 256].

В связи с этим Л.С. Васильев писал в своем трехтомнике «Древний Китай» о существовании феодализма в Китае, причем именно в Древнем Китае, следующее: «... Западное Чжоу (XI–VIII вв. до н.э. – А.Р.) являет собой едва ли не классический пример того, как настойчивые целенаправленные попытки установить централизованную власть не дали должного результата, но напротив привели к децентрализации и феодализации государства» [Васильев, 2000, с. 245].

В Японии процесс феодализации, то есть, фрагментации власти, достиг максимума к концу XV – началу XVI вв. Феодализация взяла старт в Японии в начале X в. с образованием второго типа *сёэна*, *кисин тикэй сёэна* (коммендированного *сёэна*), при котором образовывалась цепочка вассально-ленных связей, соединявших *рёсю* («владельцев» земли) и *хонкэ* («опекунов, покровителей»: членов императорского дома, крупные буддийские монастыри, синтоистские храмы) [История Японии, 1998, с. 181–182.] Это произошло в значительной мере вследствие того, что после реформ Тайка (проводившихся во второй половине VII в. и предпринятых для усиления военно-политической мощи Японии до такой степени, чтобы она могла отбить потенциальную агрессию танского Китая, территориальные захваты которого привели к столкновению с арабами на реке Талас в 751 г.), Япония вплоть до 1274 г. не подвергалась нападению со стороны материка, что делало деспотическую мобилизационно-бюрократическую систему управления страной ненужной и необоснованной.

Почему же в Японии были проведены реформы Тайка? Следует отметить, что в 7 месяце 644 г. китайский император Тайцзун (627–669) принял решение начать карательный поход против северокорейского государства Когурё. Весной 645 г. армия во главе с Тайцзуном выступила из столицы Лояна на северо-восток. Несколько ранее к Ляодуну двинулись сухопутные войска Ли Цзи, а также эскадра из 500 кораблей с десантом численностью 43 тыс. человек под командованием Чжан Цзяня. Хотя в целом поход 645 г. закончился неудачей, Тай-цзун, стремясь к закреплению своих позиций на завоеванной части Ляодуна, объявил там о создании ряда областей. В начале 647 г. начался новый поход против Когурё, во время которого танская армия неоднократно побеждала когурёсцев в малых сражениях, но в целом больших успехов достигнуто не было. В середине 648 г. Тайцзун распорядился о спешном строительстве кораблей в областях на территории современной Сычуань и в более южных провинциях: в 649 г. он наметил направить 300-тысячную армию для окончательного разгрома Когурё. В 649 г. Тай-цзун вновь заявил о намерении лично возглавить летом поход против Когурё, но накануне – в день *цзы-сы* 5-го месяца (10 июля) 649 г. – скончался. В 9 месяце 668 г. войска генерала Ли Цзина заняли после длительной осады столицу Когурё город Пхеньян (Пинчжан) и взяли в плен правителя Когурё Поджана и правителя

Пэкче Пхуна (661–663). В 12 месяце 668 г. на территории Когурё учредили наместничество Аньдун, центр которого размещался в Пинжане (совр. Пхеньян). Наместником был назначен генерал Се Жэньгун. Общая численность подчиненных ему гарнизонных войск составила 20 тыс. человек. Кроме того, в Когурё учредили девять губернаторств, 42 области и 100 уездов, а в 669 г. во внутренние земли Китая переселили 38,2 тыс. когурёских дворов [История Китая, 2014, с. 233–234; 237–238].

Следует обратить внимание на то, что дата первого похода танских войск против Когурё в точности совпадает с датой начала реформ Тайка – 645 г. Чем это можно объяснить? Очевидно тем, что японцы внимательно следили за тем, что происходило в Китае. Только в 600–614 гг. Япония отправила в Китай четыре посольских миссии, которые вместо раздробленного на Север и Юг Китая и ксенократических режимов Северного Китая, правивших там с начала IV в. до 581 г., что давало возможность японцам вести успешные военные действия на Корейском полуострове [История Японии, 1998, с. 76], увидели единый, сильный и амбициозный Китай под эгидой династии Суй, деятельность которой носила «явно экспансионистский характер» [История Китая, 2014, с. 192]. В итоге с 630 по 894 г. из Японии в Китай было назначено 19 посольств, из которых 11 представляли собой полноформатные делегации [Мещеряков, Грачев, 2005, с. 368–369]. Все это свидетельствует о крайней озабоченности японских властей ситуацией, сложившейся в VII–IX вв. в танском Китае. Более того, японцы на собственном опыте убедились в том, что походы в Корею уже не представляют собой «легкую прогулку». Так, японский экспедиционный корпус, состоящий из 27 тыс. человек, направленный на полуостров в 663 г., потерпел в Корее несколько поражений и был вынужден вернуться на архипелаг [Мещеряков, Грачев, 2005, с. 366].

Еще большее количество посольств, чем в танский Китай, было направлено Японией в корейское государство Силла: за период с 675 по 779 гг. их было 23. Гордые японцы рассматривали Силла в качестве вассального государства [Мещеряков, Грачев, 2005, с. 374] и в то же время отказались от принятия китайской инвеституры, утверждающей сюзеренитет Срединной империи над Страной восходящего солнца [Мещеряков, Грачев, 2005, с. 369].

Все это создавало опасность нового вторжения на архипелаг с материка, как это было с III в. до н.э. по III в. н.э., когда в результате взаимодействия переселенцев с местным населением архипелага была создана «культура яйё», или же со второй половины V по начало VI вв., когда теснимые государствами Силла и Когурё переселенцы из Пэкче начали распространять буддизм и письменность в Ямато [Мещеряков, Грачев, 2005, с. 365]. Очевидно, в формировании новой военно-политической системы Японии приняли участие и переселенцы «третьей волны» – выходцы второй половины VII в. из Пэкче и Когурё, государства которых к 660 и 668 гг. были разгромлены танско-силасской армией и включены в состав Объединенного Силла [Мещеряков, Грачев, 2005, с. 365; Ирэн, 2018, с. 25].

Для того чтобы резко усилить обороноспособность страны, японские власти использовали опыт корейских переселенцев «третьей волны».

В результате японские власти, опираясь на опыт корейских выходцев из Пэкче и Когурё, решили «превратить» японскую политическую и военно-административную структуру власти в подобную китайско-танской (с некоторыми модификациями) систему *рицурё*, состоящую сначала из трех министров и восьми министерств [История Японии, 1998, с. 92], а в VIII в. преобразованную в мощнейший государственный аппарат, состоявший из 30 градаций, сведенных в 9 ранговых категорий, дробившихся на старший и младший подранги, а с 4-го по 9-й ранг подразделявшихся еще и на верхнюю и нижнюю ступени. Все эти чиновники, с 1-го по 9-й ранг, каждый в соответствии со своим рангом получали «сезонное жалование» (*кироку*), причем чиновники высших рангов, с 1-го по 5-ый, получали «ранговые поля» (*идэн*), «дворы в кормление» (*дзикифу*) и «ранговое жалование» (*ироку*). Кроме

получения материальных благ по рангам, чиновников на высших должностях наделяли в зависимости от их должности определенным количеством полей (*сикинбундэн*) и дворов в кормление, а также определенным количеством «слуг», т.е. «зависимых» [*История Японии*, 1998, с. 119–121].

Также похожа на танскую была введенная в Японии во второй половине VII в. надельная система землепользования (подворные реестры крестьянства составлялись в 646, 652, 670 и 689 гг.) [*История Японии*, 1998, с. 91]. В VIII в. условия наделения земель крестьян в Японии формально были даже более жесткими, чем в Китае: если в Китае крестьяне по эдикту 624 г. получали в «вечное владение» 20 му земли и «подушный (посевной) надел» (*лунтянь*) – 80 му земли, который должен был возвращаться в казну после смерти получателя, то в Японии вся земля (2 тана или около 0,24 га) передавалась «свободным крестьянам» только во временное пользование [*История Японии*, 1998, с. 119–129; *История Китая*, 2002, с. 170; *История Китая*, 2014, с. 181]².

Введение надельной системы позволило создать в Японии регулярную армию – одну из важнейших целей реформ Тайку: в 675 г. было образовано специальное военное ведомство, а в 689 г. введена воинская повинность, предполагающая набор в солдаты одного из четырех крестьян в семье [*История Японии*, 1998, с. 96].

Следует отметить, что вооруженные силы Японии отличались от китайской армии: в Китае вся система управления и комплектации армии была централизована, и войска располагались преимущественно в столице, а в Стране восходящего солнца солдаты размещались по всей стране и находились в ведении местных властей [*История Японии*, 1998, с. 110]. Это была уступка родовой аристократии, которая, несмотря на проведение чиновно-бюрократической реформы (Тайка), на деле сумела сохранить властные позиции в провинциях.

Японская армия в VIII в. состояла из провинциальных войск (*гундан*) и столичных частей (*эфу*). Каждый крестьянский двор обязан был направлять в провинциальные войска одного вооруженного пехотинца и обеспечивал его пропитанием. Часть рекрутов отправлялась на 1 год на службу в столицу, часть – на 3 года в Кюсю для охраны границы. Остальные рекруты оставались в местах проживания, где проводилась военная подготовка, принимавшая форму краткосрочных сборов.

В случае военной реформы, как и реформы административной, имелись серьезные отличия от танских стандартов, а именно: японские офицеры комплектовались из местной родовой аристократии, тогда как в Китае VII в. военные чины проходили строгий отбор под контролем центра, при этом учитывались также результаты экзаменационных конкурсов. В Японии местными солдатами командовали провинциальные губернаторы, совмещая гражданские и военные функции. [*История Японии*, 1998, с. 110]. Это также свидетельствует о том, что на местах власть, несмотря на реформы Тайка, продолжала оставаться в руках родовой аристократии, что впоследствии облегчило возникновение и развитие японского феодализма.

Японская регулярная армия насчитывала всего лишь 5290 человек [*История Японии*, 1998, с. 111]. Учитывая, что в то время население Японии составляло около 6 млн [*История Японии*, 1998, с. 111], один призывной солдат приходился на более чем 1000 японцев. Следует отметить, что даже в столичном войске многие офицерские должности были наследственными [*История Японии*, 1998, с. 111]). Все это дает возможность осознать, насколько сильны были в Японии в VIII в. родовые связи и как трудно было отрывать

² Следует отметить, что в первом томе «Истории Японии» допущена существенная ошибка. Автор текста Части 3, главы 1 ошибочно утверждает, что, в соответствии с надельной системой, крестьянин в Китае получал навечно 1 цин земли (около 6,14 га), а овдовевшие жены и наложницы получали – по 30 му (около 1,85 га) [*История Японии*, 1998, с. 129]. Это совершенно неправильно.

японского крестьянина от его традиционного занятия сельским хозяйством и приобщать к военному делу, особенно когда на горизонте не было военной опасности. А ее не было. Война с *эмиси* (прото-айнов) никакой угрозы для японцев не представляла, а китайцы в ближайшие 500 лет так и не появились.

Кризис надельной системы в Японии начался почти сразу же после ее введения. Как отмечают российские исследователи-японисты, надельная система в Стране восходящего солнца в действительности более или менее эффективно действовала лишь в центре страны – в районе Кинай. Вне этого региона она либо совсем не работала, либо местная родовая аристократия использовала ее в своих целях. К концу VIII в. налоговый гнет крестьян на надельных землях стал столь невыносимым, что сельские труженики стали массово бежать со своих наделов, благо им было куда податься: и состоятельные местные чиновники, и буддийские и синтоистские монастыри, и родовая аристократия предоставляли им защиту, покровительство и земельный участок. Императорская власть пыталась как-то снизить уровень тягла, прежде всего – в Китае, расширив переучет наделов до 12 лет. Однако все было тщетно: крестьяне продолжали бежать с государственных надельных земель [*История Японии*, 1998, с. 178–179].

На рубеже VIII и IX вв. в Японии появилось совершенно новое явление: богатые землевладельцы *дого* (*до* – земля, *го* – имеющие власть). Именно они стали обладать действительной мощью в регионах. *Дого* были активны и деятельны, предоставляя крестьянам посевные семена, орудия труда и средства для строительства дамб и рытья каналов. *Дого* постоянно снабжали земледельцев всеми необходимым, постепенно закабалая крестьянство. В отдельных регионах *дого* были единственными, кто мог реально поддерживать стабильность в японской деревне. Часть *дого* через некоторое время захватила должности начальников уездов и вошла в контакт с назначаемыми из центра начальниками губерний, коррумпируя их и превращая с собственных покровителей, позволяющим им незаконно увеличивать земельные владения за счет поднятия целины [*История Японии*, 1998, с. 179]. В результате на рубеже VIII–IX вв. в Японии появились первые землевладельцы некрестьянского типа, которые иногда совмещали свой социальный статус с официальной государственной должностью, прежде всего – управителей уездов.

Почему государство позволяло им занимать официальные должности в государственном аппарате на уровне начальников уездов? По личному сообщению автору данной статьи нашего ведущего япониста А.Н. Мещерякова, у японского государства через 100–150 лет после начала реформ Тайка с избытком хватало достаточного количества квалифицированных кадров для управления уездами, но местная знать была слишком сильна и не допускала «варягов» к управлению на местах. На должностях губернаторов местная знать «пришлых» еще терпела, а вот на местах управителей многочисленными уездами – нет. Поэтому должности начальников уездов государственные власти были вынуждены отдать «на откуп» местным аристократическим родам и состоятельным лицам (*дого*), которые одновременно представляли собой слой феодализировавшихся землевладельцев.

Японское государство первоначально пыталось создать систему рекрутации кадров, хотя бы отдаленно напоминающую китайскую. Так, в соответствии с императорскими указами 673 и 676 гг., на государственные должности должны были назначаться преимущественно лица, проявившие деловые качества и зарекомендовавшие себя в качестве способных исполнять свои чиновничьи функции. В связи с этим для претендентов на чиновничьи должности был определен испытательный срок, за время которого они должны были, решая менее сложные задачи, убедить власти в том, что они могут исполнять ответственные должностные поручения [*История Японии*, 1998, с. 93]. Однако такая практика продолжалась недолго. Через 6 лет после издания последнего указа такого рода, в 682 г., император

объявил новое распоряжение, в соответствии с которым на должности отныне назначались не по критерию способностей того или иного лица, а в соответствии с достоинством клана, представителем которого был претендент на чиновничий пост. Подобный указ повторился еще через 8 лет, в 690 г. В результате китайский эталон меритократии при назначении на должности превратился в традиционную японскую практику доминирования аристократических родовых связей. Конечно, личные способности кандидата на должность также учитывались, но даже если он был активен и талантлив, но имел неясное происхождение, то выдвигать его на должность не рекомендовалось. В результате, после реформы Тайка 645 г., уже с конца VII в. карьера японского чиновника все более и более связывалась не с китайским бюрократическим идеалом, а с японской практикой знатности рода [*История Японии*, 1998, с. 93–94].

По-видимому, с течением времени все большее доминирование традиционной японской системы назначения на должности по «родовитости» над китайским отбором кадров по «способностям» было вызвано не только сопротивлением местных аристократов, но и тем, что ситуация в Китае постепенно изменялась. Вместо агрессивного китайского-танского экспансионистского государства середины VII в., когда произошли реформы Тайка, во второй половине VIII в., после того, как в Срединной империи разразилось восстание Ань Лушаня (755–763 гг.), Китай был разделен на несколько практически автономных владений. Тем военачальникам, которые приняли сторону танского императора, испуганный мятежом Дай-цзун пожаловал посты *цзедуши*, фактически закреплявшие за ними те территории, которые они к тому времени заняли. В результате императорский двор совершенно потерял контроль над огромными землями, расположенными по обеим сторонам реки Хуанхэ. Территории, принадлежавшие *цзедуши*, охватывали почти треть населения Китая [*История Китая*, 1998, с. 304]. Одновременно шел захват земель простых крестьян так называемыми «сильными домами», богатыми землевладельцами, в результате чего резко уменьшилось число тяглового населения, а потому и сумма собираемых налогов. Одним из итогов восстания Ань Лушаня стал переход больших площадей земли в частные владения. Центральная власть делала все возможное, чтобы пополнить финансы, но в итоге так ничего и не добились: все результаты были малозначительными и временными [*История Китая*, 2014, с. 305–306]. В результате китайским властям пришлось пойти на кардинальные реформы, и в 780 г. император санкционировал реформы, предложенные Ян Янем (727–781), в результате чего надельная система была отменена, а вместо нее была введена новая система налогообложения – двухразовый налог (*ляншуй*). Отныне землевладельцы платили налоги в точном соответствии с площадью их полей, которыми они владели. В результате *верховная власть потеряла контроль над регулированием аграрной сферы* [*История Китая*, 2014, с. 305–306].

Новая система налогообложения не решила проблему финансов в Китае в конце VIII в. «Сильные дома» фальсифицировали величину своих владений и платили явно заниженные налоги. Власти, как это было часто в Китае, попытались выйти из положения за счет ограбления богатых буддийских монастырей. В 854 г. движимое и недвижимое имущество 45 тыс. монастырей конфисковали, а самих монахов вернули к трудовой светской жизни. Репрессии затронули другие духовные общины, например, несторианцев. Все попытки двора вернуться к практике назначения *цзедуши* потерпели крах. Должности *цзедуши* приобрели наследственный характер, и танский двор лишь пытался ограничить деятельность таких управителей пределами их собственных территорий [*История Китая*, 2014, с. 307–308].

В 820 г. китайское правительство попыталось воссоздать хотя бы подобие прежнего централизованного правления, учредив «сверху» 48 губернаторств-*цзеду*. Однако, в силу слабого контроля центра, результатом этой административной реформы явилось пре-

вращение новых губернаторств в полунезависимые образования. В них управляли крупные военачальники и формировалась новая управленческая практика, основанная не на четком исполнении служебного долга, на что была направлена вся китайская политико-административная наука, а на личную преданность, приобретающую черты скрытых вассально-ленных отношений. Все это нарушало традиционный административный порядок и служило почвой для заговоров и военных мятежей в новых губернаторствах» [*История Китая*, 2014, с. 308].

Гибель империи Тан наступила вследствие восстания Хуан Чао (874–884/901), создания повстанческой династии Великая Ци (880–884), считающейся традиционной китайской историографией «безоговорочно незаконной», последовавших после этого междоусобиц региональных лидеров и союзу некоторых из них с кочевниками-кидзянами [*История Китая*, 2014, с. 309–337].

В результате процесса деградации и распада империи династии Тан, начавшегося со второй половины VIII в., она уже не представляла никакой опасности для японского государства. Проведя реформы Тайка, образовав централизованное «государство *рицурё*» (базирувавшегося на уголовном и гражданском праве), создав бюрократический административный аппарат и регулярную армию, японцы ждали китайского вторжения. А войны Срединной империи всё не появлялись. Не появились они и в период правления в Китае не агрессивных государств из числа Пяти династий и столь же «мирной» империи Сун в X – первой половине XIII вв. Это дало возможность японским властям перестать опасаться китайского вторжения и «расслабиться», то есть, заменить дорогостоящую и малоэффективную во всех случаях, кроме необходимости мобилизации огромной регулярной армии, бюрократическую систему на раннефеодальную. В результате произошла феодализация Японии. Причем можно даже четко проследить процесс борьбы и победы феодализма над бюрократией: *дого* (местные землевладельцы некрестьянского типа) вследствие невозможности договориться с региональными официальными властями отправлялись в столицу искать патрона, чтобы обеспечить юридическое признание своих земель. По сути, это были первые факты коммendaций, образования частной земельной собственности (*сёэнов*) и оформления по типу вассальной зависимости частнособственнических отношений между превращавшихся в официальных земельных владельцев (*рёсю*) *дого* и их верховных, преимущественно столичных, покровителей (*хонкэ*) в лице родственников императора, буддийских и синтоистских монастырей [*История Японии*, 1998, с. 179–182].

В результате Япония постепенно эволюционировала из деспотической политики, опиравшейся хотя бы в теории на надельную систему, в раннефеодальное государство, экономической базой которого становились сёэны (частные хозяйства).

Одновременно с созданием *сёэнов* и деградацией надельной системы в Японии шло разложение государственной организации вооруженных сил. Уже в IX–X вв., наряду с официальной «двухступенчатой организацией» вооруженных сил (столичной гвардией и провинциальными отрядами, подчинявшимися непосредственно провинциальным управителям-*дзурё*), в Японии также существовали и военные отряды аристократических домов (*сёки но-хэйси*), существование которых не было предусмотрено законодательством. Именно эти военные отряды аристократических домов (*сёки но-хэйси*) были наиболее эффективными. В исторических источниках описываются целые сражения между такими отрядами, которые наводнили улицы Киото. При этом императорская власть была совершенно бессильна предотвратить эти столкновения: все указы, запрещавшие частным лицам пользоваться оружием, не имели никакого эффекта. И это понятно, ибо императорская власть не могла применять суровые санкции против своих же воинов. В X–XI вв. грань между «официальными» и «частными» отрядами постепенно стира-

лась, ведь в них в значительной мере служили те же самые люди [История Японии, 1998, с. 196–197].

В IX–X вв. войска в провинциях подразделялись на два типа: формально государственные войска управителей-*дзурё* и дружины региональной родовой знати. Войска *дзурё* также делились на те, что подчинялись им непосредственно, и так называемых «воинов провинции» (*куни но-цувамонодо*). Даже те формально государственные войска, которые были в непосредственном подчинении *дзурё*, в реальности состояли из близкой к управителям местной знати, которые на деле практически являлись вассалами *дзурё*. Что касается «воинов провинции», то они исполняли поручения *дзурё* по охране родных мест, по мобилизации пехоты, по организации религиозных ритуалов³ и, по-видимому, также были вассалами управителей провинций. Дружины региональной родовой знати носили сугубо частный характер. Однако, и государственные, и частные войска имели право начинать военные действия только после получения императорского разрешения на это. Нарушители этого правила считались мятежниками, против них предпринимались карательные экспедиции [История Японии, 1998, с. 196–198].

На государственные средства, получаемые от сбора налогов, содержались только полицейские части (*кэбииситё*) и войска провинциальной администрации. Однако в связи с тем, что количество собираемых государством налогов сокращалось, и жалования воинам не хватало, они шли на службу в отряды глав сильных домов (*торё*) либо совмещали частную службу с государственной, которая давала им не материальное обеспечение, а стабильное общественное положение [История Японии, 1998, с. 197–198].

В XI в. императорские власти стали еще активнее применять дружины родовой знати, услуги которых использовались в государственных целях [История Японии, 1998, с. 200]. Однако, в отличие от предшествующего времени, теперь назначение на официальные командные должности получали военачальники, ранее никак не связанные с государственной службой, но отличавшиеся военными талантами, которые они проявили на частном поприще. Их положение в определенной мере напоминало положение итальянских кондотьеров, правда, с японской спецификой. В это же время имеются четкие свидетельства сложения вассально-ленной системы (сюзерено-вассальных отношений) внутри крупнейших феодальных домов [История Японии, 1998, с. 197–198]. Но самостоятельные феодальные войны, как например, война между Минамото-но Ёсиэ и домом Киёхара, еще пресекались императорским двором: нападающая сторона, действующая не по императорскому приказу, а исходя из собственных интересов, даже в случае победы наказывалась и штрафовалась [История Японии, 1998, с. 200].

В середине XII в. в период войны *Хэйдзи но-ран* (смута годов *Хэйдзи*: 1159–1160 гг.), одни феодальные дома и их различные ветви сражались против других феодальных домов, их ветвей и императорской власти [История Японии, 1998, с. 202–203]. Росло количество вассалов у крупнейших феодалов. В XII в. у дома Тайра было более 600 вассалов, прожи-

³ Следует отметить, что в Японии «роды, „специальностью“ которых стало военное дело, появились довольно рано. В VIII в. потомственными воинами были Отомо, Саэки, Саканоуэ, а в IX в. – Оно, Окура» [История Японии, 1998, с. 194]. «В IX в. в центральной и северной Японии были созданы посты *кэбииси* – своего рода воензированной полиции... С конца X в. среди “военных” домов на первый план выдвинулись Тайра и Минамото. В период *инсэй* (правление отрекшихся императоров XI–XII вв.) у этих монархов находились на службе *хокумэн-но буси* – дворцовые стражники, которых возглавляли *торё*. Последние выбирались либо из Гэндзи (Минамото), либо из Хэйси (Тайра) – родов, имевших в то время самые крупные и боеспособные военные отряды. Кроме того, Тайра и Минамото “выказывал почтение” по отношению к таким государственным людям, как Фудзивара-но Митинага, за что получали официальные государственные посты и ранги. Многие представители этих домов становились управителями провинций, что способствовало их обогащению и росту их политического влияния» [История Японии, 1998, с. 195–196].

вавших в 49 провинциях. В результате политический авторитет рода Тайра распространился почти на всю Японию [История Японии, 1998, с. 205]. Историки полагают, что «дом Тайра уже имел какую-то систему управления своими вассалами» [История Японии, 1998, с. 205].

В конце XII в., в период войны *дзисёдзюэй-но ран* (смуты годов *Дзисё-Дзюэй*: 1177–1185 гг.) или *гэмпэй-гассан* (междоусобной войны Тайра и Минамото) крупнейшие феодальные дома, Тайра и Минамото, при поддержке других политических и социальных сил, в число которых входили буддийские монахи, боролись друг с другом, и в итоге победу одержал дом Минамото [История Японии, 1998, с. 205]. Эта победа поставила точку в «истории государства *рицурё*. Начался новый этап развития японского государства, сопровождаемый изменением структуры японского общества, формированием сословия воинов (*буси*), созданием новой системы управления и новых социальных отношений» [История Японии, 1998, с. 207].

Итак, в конце XII в. Япония вступила в период уже феодального развития. Власть в стране частично перешла к дому Минамото, представитель которого Минамото-но Ёритомо в 1180 г. создал военную ставку (*бакуфу*), к которой постепенно перешло управление Японией. Формально в стране была сохранена двойственная структура власти (императорский дом – власть *сэйи тай сёгуна*, должность, дарованная в 1192 г. императором Минамото-но Ёритомо). «...Общегосударственная система управления *рицурё*, отягощенная институтами эпохи *инсэй*, также сохранилась. Таким образом, власть двора (*кугэ сэйкэн*) и власть военного сословия (*букэ сэйкэн*) продолжали существовать одновременно. Обе сложные разветвленные властные структуры поневоле взаимодействовали, поскольку ни одна из них не была в состоянии полностью взять верх. Это вынужденное взаимодействие было одной из характерных черт первого сёгуната [История Японии, 1998, с. 229].

С самого начала прихода к власти дома Минамото его глава уже не обращал внимания на распоряжения императорского двора и выступал в карательные экспедиции против своих врагов, несмотря на запреты императора. И последний вынужден был задним числом одобрять действия ослушника [История Японии, 1998, с. 225]. С 1185 г. власти *бакуфу* получили право назначать «управляющих земельными владениями» (*дзито*) в поместья (*сёэн*), владельцы которых вынуждены были соглашаться с тем, что *дзито* собирали для них налоги, судили и наказывали их крестьян, возглавляли их администрацию в имении, назначали местных чиновников, несли ответственность за все работы в *сёэне*. Таким образом, в каждом *сёэне* был установлен *дзито* – агент *бакуфу*. Но организации контроля на низовом уровне *бакуфу* было недостаточно. Поэтому на уровне провинций *бакуфу* ввело должности «военных губернаторов провинций» (*сюго*), которые должны были набирать воинов для службы как в мирное, так в военное время, а также следить за поддержанием порядка и стабильности в провинциях. В результате «введение административных должностей *дзито* и *сюго* дало возможность *бакуфу* установить некоторый контроль за землями и людьми, хотя на всем протяжении существования первого сёгуната управление как земельными владениями, так и провинциями сохранялось, по сути, в руках прежних владельцев» [История Японии, 1998, с. 226–227].

В это же время, в конце XII в., была официально установлена система вассальных отношений в доме Минамото-но Ёритомо и его сыновей. Их вассалы назывались *гokenинами* (вассалами *сёгуна*) и имели более высокий статус, чем другие *буси* (воины). Они должны были охранять дворец императора и сёгуна, границы страны, нести военную службу в военное время. За это сёгун обеспечивал им *гоон* (незыблемость их владения) [История Японии, 1998, с. 227].

Дом Минамото имел систему управления своими людьми и землями: в 1180 г. было создано *самурай докоро* (исполнение полицейских и военных функций, ведение делами

гокэнинов); в 1184 г. было образовано *монтиюдзё* (юридическое ведомство, занимавшееся судебными делами); в 1190 г. начало действовать *мандокоро* или *кумондзё* (ведомство, занимавшееся административными и политическими делами). «Постепенно эти ведомства одного клана-дома начали работать в более широких общегосударственных масштабах. Таким образом к концу XII в. были фактически созданы все главные государственные институты управления *бакуфу*» [История Японии, 1998, с. 228].

Нельзя сказать, что обе властные структуры, императорская и сёгунская, постоянно сосуществовали в гармонии. Попытку упразднить *бакуфу* предпринял отрекшийся император Готоба, на рубеже 1220-х гг. обратившийся к *буси* (военным) с указом, в котором призывал поднять оружие против *сёгуна*. Однако Готоба был поддержан небольшим числом *буси*, и смута годов Дзёкю (*Дзёкю-но ран*) окончилась менее чем за месяц. Отряды Готобы были полностью разбиты, что имело огромное значение для императорской власти: система *инсэй* (отрекшихся императоров) утратила свое политическое значение, отрекшиеся императоры потеряли свои земельные владения, власти сёгуна усилили контроль над столицей и императорской властью, «получив право вмешиваться во все решения императорского двора, включая престолонаследие. Правда, власти бакуфу формально сохранили многополюсную систему власти, но политический вес ее частей заметно изменился, сделавшись неравномерным» [История Японии, 1998, с. 231].

Императорская власть сопротивлялась. В 1246 г. императорский двор создал свой судебный орган *Кёто хёдзёсю* для разрешения земельных споров в интересах аристократии. В ответ на это в 1249 г. сёгунская судебная власть была также усилена путем создания Ведомства по расследованию дел с участием *гокэнин* (*хикицукэсю*) [История Японии, 1998, с. 233–234]. Историки отмечают, что, хотя «основные институты управления (императорские и сёгунские. – А.Р.) фактически дублировались, однако, объем власти каждого полюса был разным, и к 60-м годам XIII в. заметно сместился в пользу военных – *букэ сэйкэн*» [История Японии, 1998, с. 234].

Таким образом, мы проследили те факторы, которые определяли прежде всего политическое (но также и социальное, и экономическое) развитие Японии в VII–XIII вв. К этим факторам относятся: 1) создание мощного деспотическо-бюрократического государства династии Тан в Китае (которое, в свою очередь, обуславливалось наличием северной варварской кочевнической периферии), определившее возникновение аналога танскому японскому полу-деспотическому государству *рицурё* (полную деспотизацию не допустила сильная родовая знать, в значительной мере контролировавшая власть на местах); 2) ослабление танского государства, первоначально вызванное восстанием Ань Лушаня, и последующий развал империи Тан, имевший место вслед за восстанием Хуан Чао, что дало возможность трансформировать государство «*рицурё*» в систему зарождающихся вассально-ленных связей, базировавшихся на коммендированных сёэнах; 3) неагрессивная политика китайских государств периода правления Пяти династий и династии Сун, что позволило японцам сменить императорское правление на сёгунско-императорское, в котором объём власти сёгуна все больше доминировал над властью императора, а процессы феодализации японского общества усиливались.

(Продолжение следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Васильев Л.С. *Древний Китай*. Т. 1. М.: Восточная литература, 1995 [Vasiliev L.S. *Ancient China*. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995 (in Russian)].

Васильев Л.С. *Древний Китай*. Т. 2. М.: Восточная литература, 2000 [Vasiliev L.S. *Ancient China*. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000 (in Russian)].

Геродот. *История в девяти томах*. М.: Ладомир, АСТ, 1999 [Herodotus. *Histories in Nine Volumes*. Moscow: Ladomir, AST, 1999 (Russian translation)].

Ирён. *Оставшиеся сведения о трех государствах (Самгук юса)*. СПб.: Гиперион, 2018 [Iryon. *Remaining Information on the Three Kingdoms (Samguk Yusa)*. Saint Petersburg: Giperion, 2018 (in Russian)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI в. Т. III. *Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907)*. М.: Восточная литература, 2014 [History of China from the Ancient Times to the Early 21st Century. Vol. III. *The Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern Dynasties, Sui, Tang (220–907)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2014 (in Russian)].

История Китая. Под ред. А.В. Меликsetова. 2-ое издание, исправленное и дополненное. М.: Высшая школа, 2002 [History of China. A.V. Meliksetov (ed.) 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola, 2002 (in Russian)].

История Японии. Т. I. М.: ИВ РАН, 1998 [History of Japan. Vol. I. Moscow: IOS RAS, 1998 (in Russian)].

Крадин Н.Н. *Кочевники и всемирная история*. СПб.: Издательство Олега Бышка, 2020 [Kradin N.N. *Nomads and World History*. Saint Petersburg: Izdatelstvo Olega Byshka, 2020 (in Russian)].

Мещеряков А.Н., Грачев М.В. *История Древней Японии*. СПб.: Гиперион, 2002 [Meshcheryakov A.N., Grachev M.V. *History of Ancient Japan*. Saint Petersburg: Giperion, 2002 (in Russian)].

Непомнин О.Е. *История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX в.* М.: Восточная литература, 2005 [Nepomnin O.E. *History of China. Qing Era. 17th – Early 20th Century*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Том 1. Книга вторая. М.–Л.: Издательство Академии наук, 1960 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. 1. Book 2. Moscow, Leningrad: Izdatelstvo Akademii Nauk, 1960 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РЯБИНИН Алексей Леонидович – доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); заведующий кафедрой стран Восточной Азии, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия.

Alexey L. RYABININ, DSc (History), Professor, HSE University; Head of the Department of East Asian Countries, Professor, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia.